

Любовь
жизни
Пушкина

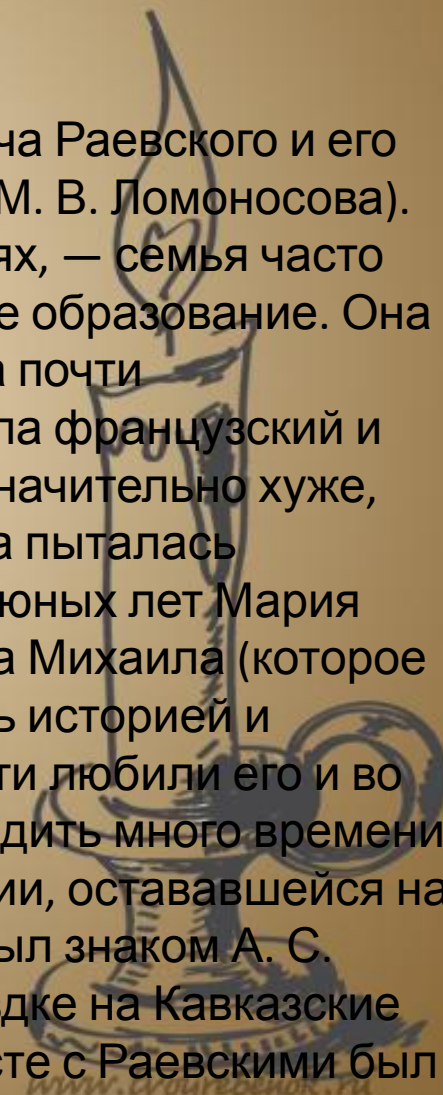

Раевская Мария Николаевна

25 декабря 1805 (6 января 1806) — 10
августа 1863

Мария Николаевна была дочерью генерала Николая Николаевича Раевского и его жены, Софьи Алексеевны, урождённой Константиновой (внучки М. В. Ломоносова). Её детство прошло в Петербурге, Киеве, малороссийских имениях, — семья часто переезжала. Как и все дети Раевские, Мария получила домашнее образование. Она была отличной пианисткой, обладала прекрасным голосом, пела почти профессионально и особенно любила итальянскую музыку. Знала французский и английский языки «как свои родные». Русским языком владела значительно хуже, поэтому всегда писала по-французски. В более поздние годы она пыталась восполнить этот пробел в своём образовании, но безуспешно. С юных лет Мария пристрастилась к чтению серьёзных книг. По свидетельству сына Михаила (которое относится к более поздним годам), она особенно интересовалась историей и литературой. Главой семьи был Николай Николаевич, жена и дети любили его и во всём ему подчинялись. Но Раевский не имел возможности проводить много времени в кругу семьи в то время, на которое пришлись ранние годы Марии, остававшейся на попечении матери. С семьёй Раевских ещё с 1817 года хорошо был знаком А. С. Пушкин. Особенно он сдружился с Раевскими в совместной поездке на Кавказские Минеральные Воды во время своей южной ссылки. Пушкин вместе с Раевскими был

На холмах

Грузии

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

Редееет облаков летучая гряда

Редееет облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины;
Люблю твой слабый свет в небесной вышине:
Он думы разбудил, уснувшие во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где все для сердца
мило,
Где стройны тополы в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

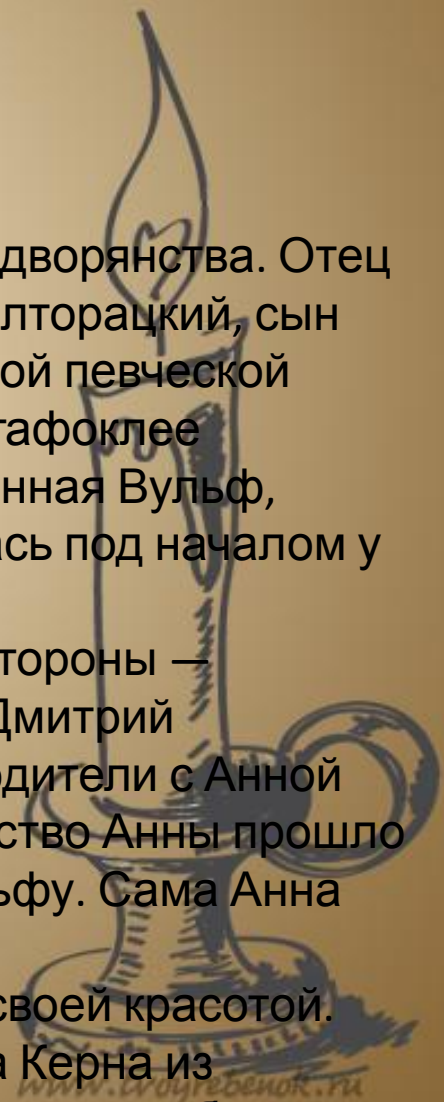
Керн Анна Петровна

11 [22] февраля 1800, — 16 [27] мая
1879

Родители Анны принадлежали к кругу состоятельного чиновного дворянства. Отец — полтавский помещик и надворный советник Пётр Маркович Полторацкий, сын известного ещё в елизаветинские времена начальника придворной певческой капеллы Марка Полторацкого, женатого на богатой и властной Агафоклее Александровне Шишковой. Мать — Екатерина Ивановна, урождённая Вульф, женщина добрая, но болезненная и слабыхарактерная, находилась под началом у мужа.

Вместе с родителями Анна жила в усадьбе деда с материнской стороны — орловского губернатора Ивана Петровича Вульфа, чей потомок Дмитрий Алексеевич Вульф являлся её внучатым племянником. Позже родители с Анной переехали в уездный город Лубны Полтавской губернии. Всё детство Анны прошло в Лубнах и в Бернове, имении, также принадлежавшем И. П. Вульфу. Сама Анна много читала.

Девушка начала выезжать в свет и обращала на себя внимание своей красотой. Отец сам привёл в дом жениха — генерала Ермолая Фёдоровича Керна из

Я помню чудное

мигловенье

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Оленина Анна Алексеевна

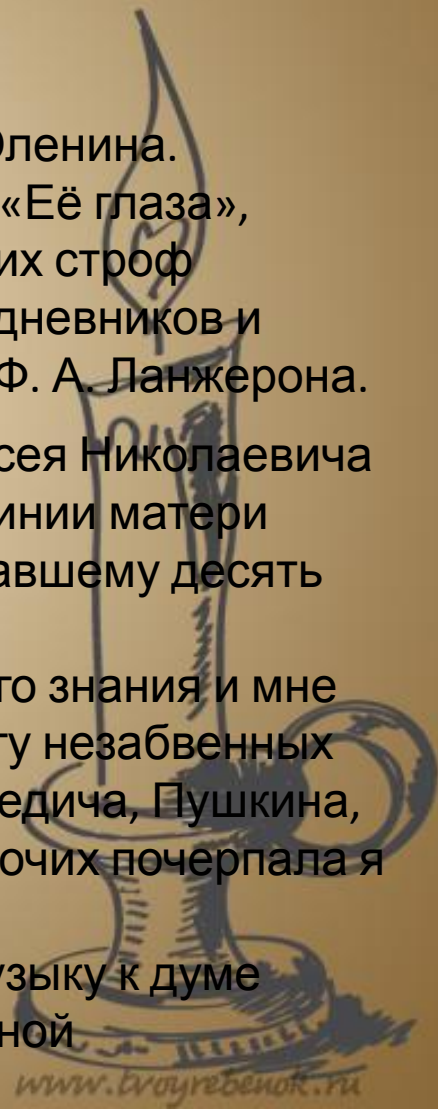
1 августа 1808 — 18 декабря
1888

Дочь президента Петербургской Академии Художеств, Алексея Оленина. Возлюбленная Пушкина в 1828–29 гг. Адресат его стихотворений «Её глаза», «Пустое Вы сердечным ты...», «Не пой красавица при мне», многих строф «Онегина». Музыкантша и певица. Автор неизданных до сих пор дневников и мемуаров о Пушкине. Супруга вице-президента Варшавы графа Ф. А. Ланжерона.

Покровительствовала молодым талантам Польши. Анна Алексеевна Оленина была младшей дочерью в семье Алексея Николаевича Оленина и Елизаветы Марковны, урождённой Полторацкой. По линии матери приходилась двоюродной сестрой Анне Керн. Благодаря отцу, знавшему десять языков, получила прекрасное образование. Сама она писала:

« Батюшке я сама во многом обязана, от его истинного глубокого знания и мне кое-что перепало. В его разговорах, выборе для меня книг и в кругу незабвенных наших великих современников: Карамзина, Блудова, Крылова, Гнедича, Пушкина, Брюллова, Батюшкова, Глинки, Мицкевича, Уткина, Щедрина и прочих почерпала я всё, что было в то время лучшего. »

Кроме того, Аннет прекрасно пела, а в молодые годы написала музыку к думе Рылеева «Смерть Ермака». В 17 лет она была назначена фрейлиной императорского двора.

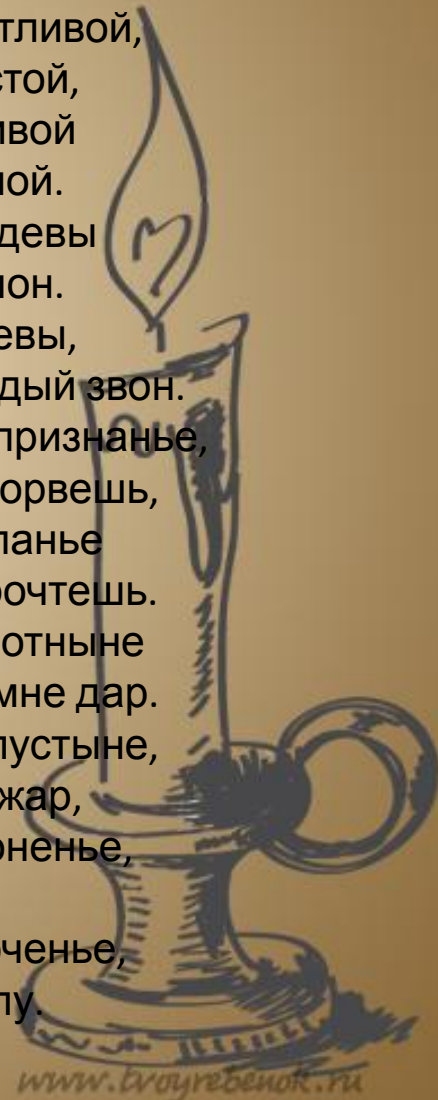
Её глаза

Она мила — скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

Увы! Язык любви болтливой

Увы! Язык любви болтливой,
Язык и темный и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебе докучен, ангел мой.
Но сладок уху милой девы
Честолюбивый Аполлон.
Ей милы мерные напевы,
Ей сладок рифмы гордый звон.
Тебя страшит любви признанье,
Письмо любви ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
С улыбкой нежною прочтешь.
Благословен же будь отныне
Судьбою вверенный мне дар.
Доселе в жизненной пустыне,
Во мне питая сердца жар,
Мне навлекал одно гоненье,

Иль клевету, иль заточенье,
И редко хладную хвалу.

Воронцова Елизавета

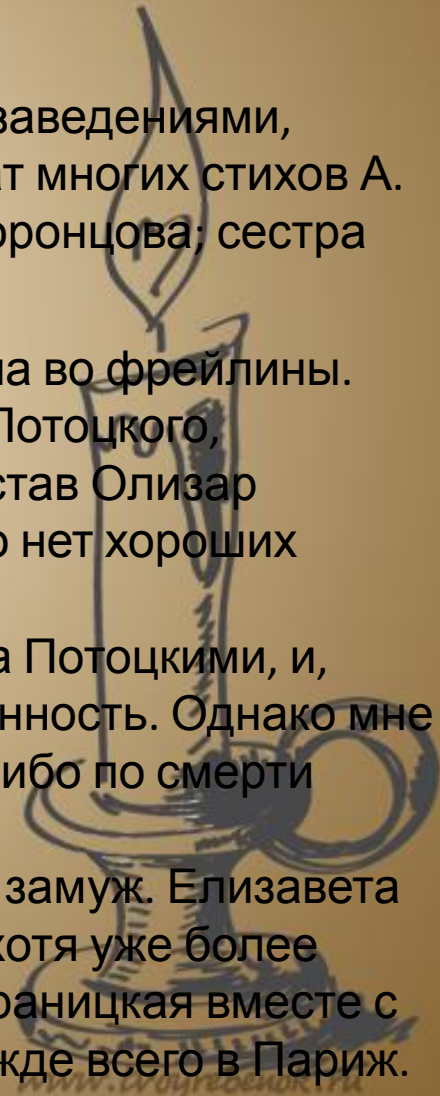
Ксаверьевна — 15 [27] апреля
1880

Почётная попечительница при управлении женскими учебными заведениями, фрейлина, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины; адресат многих стихов А. С. Пушкина; жена Новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова; сестра генерал-майора графа В. Г. Браницкого.

В 1807 году Елизавета вместе с сестрой Софьей была пожалована во фрейлины. Вскоре Софья вышла замуж за офицера польских войск Артура Потоцкого, Елизавета же продолжала жить при строгой матери в имении. Густав Олизар вспоминал, как в своё время Ксаверий Браницкий жаловался, что нет хороших женихов для младшей дочери[2]:

« Ухаживает за ней Потоцкий, но у меня обе старшие дочери за Потоцкими, и, пожалуй, скажут, что отдал своё семейство этому дому в собственность. Однако мне желательно, чтобы и третья дочь моя пошла поскорее за поляка, ибо по смерти моей жена распорядится иначе. »

Александра Васильевна не торопилась выдавать младшую дочь замуж. Елизавета до 26 лет почти безвыездно жила с родителями в Белой Церкви, хотя уже более десяти лет числилась фрейлиной. В начале 1819 года графиня Браницкая вместе с дочерью отправилась в длительное путешествие по Европе, прежде всего в Париж.

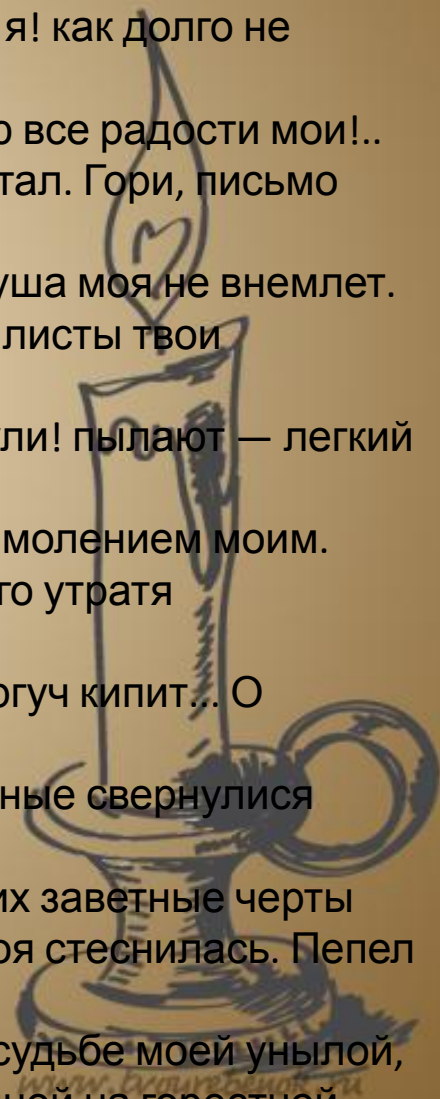

Ненастный день

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Всё мрачную тоску на душу мне наводит.
Далеко, там, луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами...
Вот время: по горе теперь идет она
К брегам, потопленным шумящими волнами;
Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит печальна и одна...
Одна... никто пред ней не плачет, не тоскует;
Никто ее колен в забвенье не целует;
Одна... ничьим устам она не предает
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.
.....
.....
Никто ее любви небесной не достоин.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен;
.....
Но если .....

Сожженное письмо

Прощай, письмо любви! прощай: она
велела.
Как долго медлил я! как долго не
хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал. Гори, письмо
любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои
приемлет...
Минуту!.. вспыхнули! пылают — легкий
дым
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата
впечатленья,
Растопленный сургуч кипит... О
провиденье!
Свершилось! Темные свернулись
листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел
милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной

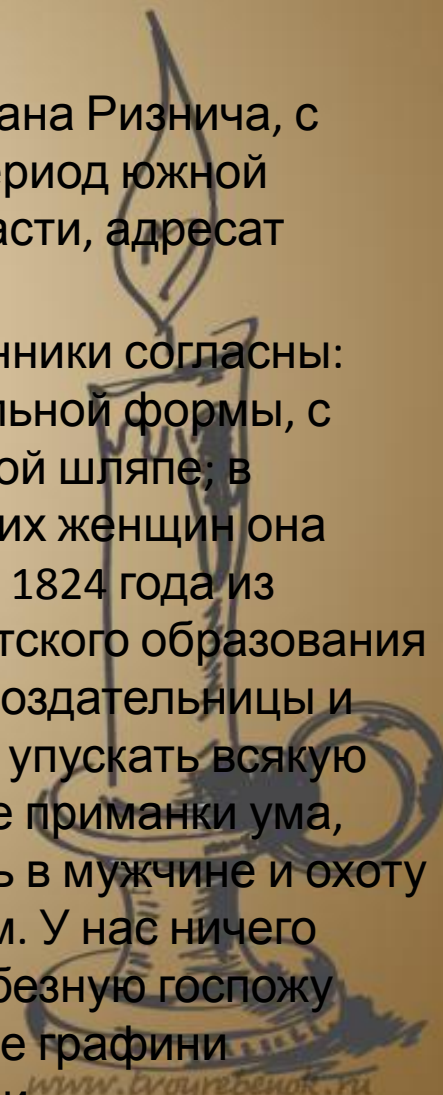

Амалия Ризнич

1803-1825

Первая жена одесского негодцианта сербского происхождения Ивана Ризнича, с весны 1823 по май 1824 года проживавшая в Одессе. В первый период южной ссылки Пушкина была предметом его пылкой и мучительной страсти, адресат нескольких его стихотворений. Скончалась молодой.

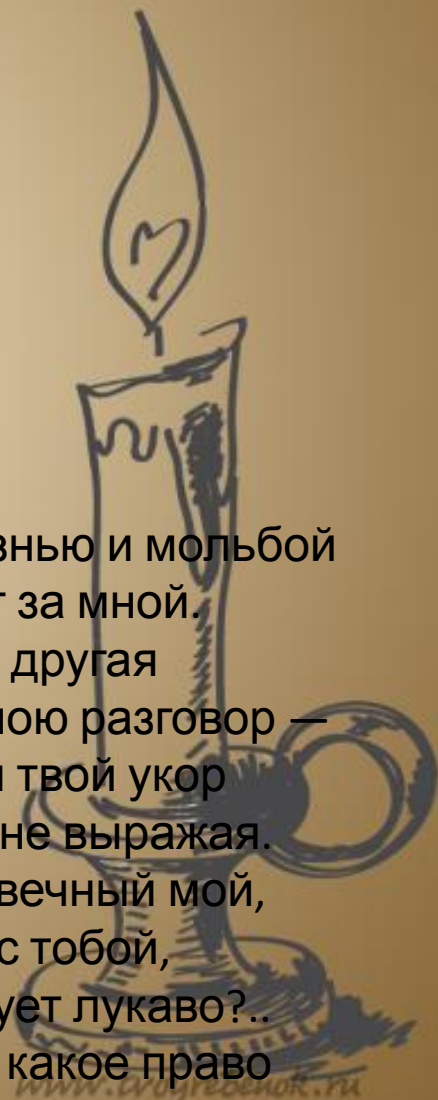
«Относительно необыкновенной красоты А. Ризнич все современники согласны: высокого роста, стройная, с пламенными очами, с шеей удивительной формы, с косой до колен. Она ходила в необыкновенном костюме: в мужской шляпе; в длинном платье, скрывавшем большие ступни ног. Среди одесских женщин она была поразительным явлением. В. И. Туманский писал 16 января 1824 года из Одессы своей приятельнице об одесских дамах: „недостаток светского образования гораздо чувствительнее в одесских дамах. Женщины — первые создательницы и истинные подпоры обществ. Следовательно, им непростительно упускать всякую малость, способствующую выгодам сего нового их отечества. Все приманки ума, ловкости просвещения должны быть употреблены, дабы внушить в мужчине и охоту к светским удовольствиям, и сердечную признательность к дамам. У нас ничего этого нет: замужние наши женщины (выключая прекрасную и любезную госпожу Ризнич) дичатся людей“». Амалия Ризнич не была принята в доме графини Воронцовой (высшее общество Одессы), но общалась со многими

Простишь ли мне...

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волнение?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображение?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их
страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг
жестокой!

Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор —
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право

Гончарова Наталья Николаевна

1812—1863

Наталья Николаевна была пятым ребёнком из семерых детей Гончаровых; самая младшая, дочь Софья, родилась и умерла в 1818 году. Наталья родилась в селе Кариан Тамбовской губернии, родовом поместье Загряжских, куда Гончаровы переехали на время Отечественной войны 1812 года. Детство и юность Наталья провела в Москве и поместьях Ярополец (Московская губерния) и Полотняный Завод (Калужская губерния).

Обстановка в семье была тяжёлой. В Полотняном Заводе всем распоряжался дед Натальи Николаевны, Афанасий Николаевич. Родственникам приходилось терпеть присутствие в доме его любовницы, француженки мадам Бабетт. Отец Натальи Николаевны тщетно пытался остановить расточительного Афанасия Николаевича, но в 1815 году сам был отстранён им от управления делами. Родители Натальи переехали в Москву, оставив младшую дочь на попечение деда, который её любил и баловал. В Заводе девочка прожила ещё около трёх лет.

Образованный и талантливый человек, Николай Афанасьевич с конца 1814 года страдал психическим заболеванием. Болезнь, по словам родственников, была вызвана травмой головы, полученной при падении с лошади. Однако гораздо позднее было высказано сомнение в верности диагноза: судя по письмам его жены, Николай Афанасьевич много пил. Возможно, это было следствие внезапного отстранения от всех дел по управлению имением и сознания того, что Афанасий Николаевич разоряет семью: за 40 лет тот растратил почти 30-миллионное состояние. Наталья Ивановна Гончарова была властной женщиной с тяжёлым характером, на которую наложила отпечаток неудачная семейная жизнь. По свидетельству Александры Араповой, дочери Натальи Николаевны от второго брака, мать не любила рассказывать о своём детстве. Наталья Ивановна строго воспитывала детей, требуя беспрекословного подчинения.

Мадонна

Не множеством картин старинных
мастеров
Украстить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, среди медленных
трудов,
Одной картины я желал быть вечно
зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с
облаков,
Пречистая и наш божественный
спаситель -

Она с величием, он с разумом в очах -
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей предестии чистейший

